

INSPIRIA

Дэниел Киз

ЭЛДЖЕР НОН, ЧАРЛИ И Я

INSPIRIA

Дэниел Киз
Элджернон, Чарли и я
Серия «Loft. Культовая
проза Дэниела Киза»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63966382
Элджернон, Чарли и я / Дэниел Киз: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-113813-4

Аннотация

Дэниел Киз – знаменитый американский писатель, исследователь глубин человеческого разума, которому удалось как никому другому раскрыть перед читателем тайны личности и психологии. «Элджернон, Чарли и я» – история его жизни, творческого пути, история возникновения героев, которые теперь стали известны всему миру. Увлекательное путешествие писателя, начинавшего свой путь студентом медицинского училища и столкнувшегося с множеством препятствий, которые стояли между ним и литературной карьерой, захватывает с первых строк. В этом романе каждый сможет узнать, какие жизненные впечатления, знакомства, случайности и привели в конце концов Киза к созданию одного из самых известных романов XX века «Цветы для Элджернона».

Долгие годы размышлений и труда привели Дэниела Киза к созданию тех культовых романов, о которых сейчас знает буквально весь мир.

«Элджернон, Чарли и я» – история создания прежде всего знаменитых «Цветов для Элджернона». Писателю пришлось пережить тревоги, неудачи, отказы издательств и – наконец – триумф.

Что побудило Киза стать писателем? Какие препятствия стояли на его пути? И как зародилась поистине гениальная, любимая всеми книга? Об этом он рассказывает искренне и крайне увлекательно.

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дэниел Киз

Элджернон, Чарли и я

Daniel Keyes

Algernon, Charlie and I

Copyright © 1999 by Daniel Keyes

© Фокина Ю., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2021

*Моей жене Орее,
которая обихаживала мой ментальный сад,
чтобы в нем выросли «Цветы»*

Часть первая

Лабиринт времени

Глава 1

Ментальный погребок

Никогда не думал, что со мной такое случится.

В ранней юности близорукость у меня была 20/400¹; стоило снять очки – перед глазами все расплывалось. Я не сомневался, что однажды совсем ослепну.

Я готовился к слепоте. Завел особый порядок вещей – чтобы все они находились под рукой и чтобы каждая имела собственное неизменное место. Я завязывал глаза и тренировался искать разные предметы на ощупь; я гордился собой, когда это получалось быстро.

Я не ослеп. В очках я вижу дай бог каждому.

Я по-прежнему могу, не вставая со стула, дотянуться практически до любой нужной вещи. Не потому, что хорошо помню, что где лежит. А потому, что выделяю специальное время на наведение порядка и при этом включаю логику. Остается только вспомнить, что где ДОЛЖНО лежать. Но

---

¹ Человек с такой степенью близорукости способен различить только буквы в самой верхней строке таблицы для проверки зрения. (Здесь и далее прим. перев.)

со мной происходит непредвиденное. Я приступаю к какому-нибудь делу, куда-нибудь направляюсь или просто вхожу в другую комнату – и замираю. Что конкретно я ищу? Ответ является в форме ментального щелчка. Целое мгновение мне жутко. И всякий раз я думаю о Чарли Гордоне – об одной из его последних фраз в рассказе «Цветы для Элджернона»: «Я помню што я зделал штото но непомню што»².

Персонаж, которого я придумал сорок с лишним лет назад, нейдет у меня из головы. Я его гоню – он ни с места.

Чарли меня преследует; надо выяснить почему.

Вот что я решил: единственный способ унять Чарли – это вступить в лабиринт времени с другого конца, пройти его до начала, доискаться истоков, изгнать призраков прошлого. Может, заодно я выясню, когда, как и почему стал писателем.

Самое трудное – начать. Материал уже есть, говорю я себе; не нужно ничего придумывать. Просто вспомни. Разложи по полочкам. Не понадобится прорабатывать интонации лирического героя, как для новеллы и романа. На сей раз, Дэн, ты сам – лирический герой. Ты пишешь о том, КАК ты пишешь; выуживаешь сокровенное из собственной жизни, которая стала жизнью Чарли Гордона.

В голове моей эхом отзывается первая строка «Цветов»: «Доктор Штраус говорит мне надо писать што думаю и што

---

² Здесь и далее рассказ «Цветы для Элджернона» цитируется по новому переводу.

случается сомной начиная с сиводньнешнево дья. Я незнаю зачем но он сказал это важно потамушта тогда они поймут гожусь я им или нигожусь. Я надеюсь што гожусь. Мисс Кинниан говорит может они зделают меня умным. Я хочу быть умным. Меня зовут Чарли Гордон...»

Даром что приведенный абзац – первый в оригинальном рассказе, началось все иначе. Равно как и последние слова «...положите цветиков Элджернону на могилку она на задним дворе...» – не конец истории. Я отчетливо помню, где был в тот день, когда в моем мозгу впервые замелькали идеи, на которых затем строилось повествование.

Морозным апрельским утром 1945 года я вышел к станции нью-йоркской подземки под названием «Саттер-авеню». До поезда, который домчал бы меня из бруклинского района Браунсвилль на Манхэттен, было минут десять-пятнадцать. Там, на Манхэттене, мне следовало пересесть на местную линию и уже по земле ехать до Вашингтон-сквер. Я направлялся в Университет Нью-Йорка. Помню, я ждал поезда и думал: где взять денег на осенний семестр? Первый курс еще не кончился, а мои сбережения (плоды трудов на нескольких работах) были на исходе. Еще на три года их определенно не хватило бы.

Я заранее приготовил пятицентовую монетку – столько стоил проезд – и вдруг взглянул на нее иначе. Вспомнился папин рассказ. Мой папа Вилли однажды сознался, что в Ве-

ликую депрессию ходил пешком по двадцать миль в день. Мы жили в Бруклине, в двухкомнатной квартирке. Так вот, папа каждое утро шагал через весь Бруклин и дальше по Манхэттенскому мосту – это десять миль; а каждый вечер возвращался той же дорогой – еще десять миль. И все для того, чтобы сэкономить две пятицентовые монетки.

Как правило, папа трогался в путь еще затемно, когда я спал; но иногда я просыпался до его ухода и успевал поглядеть, как папа за кухонным столом макает рогалик в кофе. Это был весь его завтрак. Меня кормили горячей кашей. Время от времени я даже получал целое яйцо.

Завтракая, папа смотрел прямо перед собой. Взгляд его был пуст, что давало мне повод думать, будто и голова у папы в такие моменты пуста. Сейчас я понимаю: папа пытался сообразить, как нам выпутаться из долгов. Покончив с кофе, он вставал из-за стола, трепал меня по макушке, говорил: «Веди себя хорошо. Не отлынивай от уроков». Я воображал, что папа уходит на работу. Лишь много позже я узнал, как он стыдился, что работы не имеет.

Возможно, подумал я, монетка в моей ладони – как раз из тех, сэкономленных папой.

Я сунул монетку в щель, миновал турникет. Однажды я проделаю папин путь; тоже пройду пешком из Браунсвилля до Манхэттена. Прочувствую, каково было папе. Так я себя настроил. Но маршрут папин не повторил.

Наверное, впечатления и образы, подобные этим, улежи-

вались у меня в голове, словно корнеплоды в погребе; пребывали во тьме, пока не потребовались для литературных опытов.

У большинства писателей есть собственные метафоры для клочков воспоминаний. Уильям Фолкнер, к примеру, называл свой кабинет мастерской, а ментальное хранилище – лесопилкой, с которой он таскает «пиломатериал» для строительства прозы.

Мое ментальное хранилище – это закуток в погребе нашего арендодателя, как раз рядом с угольным баком, под лестницей; арендодатель великодушно позволил моим родителям пользоваться этим закутком. Подросши достаточно для того, чтобы спуститься в погреб, я обнаружил: возле угольного бака родители складывают мои старые игрушки.

Я нашел коричневого плюшевого мишку и жирафа, набитого опилками; я нашел оба конструктора – деревянный и металлический; трехколесный велосипед, ролики и детские книжки, в том числе книжки-раскраски, где еще оставались чистые страницы, будто ждавшие цветных мелков. Открылась тайна исчезновения надоевших игрушек.

До сих пор чую тот запах – смесь сырости и угля (бак стоял возле печи). До сих пор вижу стальной желоб – а эта картинка, в свою очередь, почти моментально вызывает аудиоряд: уголь с грохотом идет по желобу; наш хозяин, мистер Пинкус, открывает печную дверку, шурует кочергой. Остро пахнет отсыревший уголь на лопате, жарко разгорается пла-

мя. Где-то между угольным баком и печью – в погребе моего сознания – хранятся идеи, образы, сцены и сны. Улеживаются во тьме, ждут, пока понадобятся.

Поезда все не было. С хранилища детских игрушек мои мысли перекинулись на маму и папу. Не удивительно ли, что родители обоих – незнакомые между собой – проделали долгий путь через всю Европу, прибыли в Канаду, а оттуда – в Нью-Йорк? Там Бетти встретила Вилли. Вскоре они поженились, а в 1927 году родился я, их первенец. В том же году Линдберг совершил беспосадочный перелет из Нью-Йорка в Париж, а Эл Джолсон сыграл главную роль в первом звуковом фильме³.

То были годы надежд и крайностей, ныне известные как Эпоха Джаза; понятно, что мои родители, подобно многим другим американцам в первом поколении, посещали вечеринки и отплясывали чарльстон в подпольных барах, где можно было выпить запрещенного джина. Не знаю, куда подевались фотографии – не черно-белые, а оттенка сепии, – с которых грустно смотрит моя мама – темноглазая, молоденькая, подстриженная под мальчика. Помню, я любил, когда она пела что-нибудь однодневное, разученное по песеннику за два цента. Иногда я подпевал. Любимая песня у нас с ней была «Дым слезит твои глаза»⁴.

---

³ Фильм «Jazz Singer», кинокомпания «Уорнер Бразерс», реж. Алан Кросланд.

⁴ Ориг. «Smoke Gets in Your Eyes», автор текста Отто Харбах, композитор Дже-

Вилли еще подростком, в Квебеке, охотился со взрослыми и выучил достаточно английских, французских, русских и индейских фраз, чтобы объясняться со скупщиками меха. Хотя ни он, ни мама толком даже в школу не ходили, я очень рано понял: мои родители высоко ставят образование и ждут от меня успехов.

Однако лет в двенадцать-тринадцать я сделал и другое открытие – чем больше я читаю и запоминаю, тем меньше у меня с родителями точек соприкосновения. Я словно терял обоих – словно уплывал в собственный мир книжных историй.

Сколько себя помню, родители внушали, что мне следует учиться на врача. Раз я спросил почему.

– Потому, – ответил папа, – что доктор – он вроде Господа Бога. Он лечит людей; он спасает жизни.

А мама добавила:

– Грудничком ты подцепил гнойный мастоидит в нагрузку к двусторонней пневмонии. Тебя спас один доктор – замечательный человек, настоящий кудесник.

– Мы хотим, чтобы ты сам лечил людей и спасал жизни, – подытожил папа.

Прозвучало убедительно. Я решил: буду подрабатывать, где только можно, поступлю в колледж, а потом в медицинский университет. Стану врачом. Я любил родителей и поэтому похоронил собственную мечту о писательской карье-

ре. Объявил, что сосредоточу все усилия на том, чтобы стать слушателем подготовительных медицинских курсов.

Втайне я думал: может, получится совместить? Я читал, что Сомерсет Моэм тоже закончил медицинский факультет и даже служил корабельным доктором. Антон Чехов изучал медицину, ранние рассказы и наброски печатал под псевдонимом «Врач без пациентов». Артур Конан Дойл, неспособный прокормиться как офтальмолог, использовал пустую-щую приемную для написания рассказов о Шерлоке Холмсе.

Англичанин, русский и шотландец начинали как врачи, но на перепутье свернули в сторону литературы. Возможно, по их примеру и я сумею исполнить родительскую мечту, не забыв о мечте собственной. Не успел я так подумать, как понял, где в моем плане слабое место. Прежде чем прославиться на литературной стезе, все трое потерпели фиаско в медицине.

Подошел битком набитый поезд. Я втиснулся в вагон. Посидеть не светило. Был час пик, мне предстояло выстоять на ногах все полчаса до Юнион-сквер. Кое-как я выпростал руку, вцепился в белый эмалевый поручень в центре прохода, чтобы не упасть, – поезд нещадно трясло. Пассажиры, озабоченные своими проблемами, избегали визуального контакта. Озабоченный и подавленный не меньше других, я тоже прятал глаза.

Заканчивался мой первый год в университете. «Образова-

ние вбивает клин между мною и теми, кого я люблю», — вот о чем я думал. И вдруг возникла мысль: «А если бы можно было повесить уровень интеллекта? Что бы тогда произошло?»

В то утро, под перестук колес, в электричке по пути на Манхэттен, я мысленно облек в слова две идеи. Первая была про клин; вторая звучала совсем по-писательски: «А что бы произошло, если?...»

Белая мышь появилась в тот же день, только чуть позднее.

Глава 2

Белая мышь

Поезд остановился на станции «Восьмая улица»; оттуда, с Бродвея, до Вашингтон-сквер, где помещался университет, было рукой подать.

Я заскочил в кафешку за пончиком с кофе – и заметил приятеля. Он мне махнул, я уселся у барной стойки. С этим парнем мы вместе учились в старших классах еще в Бруклине, но общались мало. Росту в нем было шесть с лишним футов. А во мне – всего пять футов пять дюймов.

Мы подружились не раньше, чем обнаружили, что оба зачислены на подготовительные курсы в медицинском и вдобавок попали в один класс по биологии. С тех пор мы занимались вместе и тестировали один другого перед экзаменами. Из-за разницы в росте нас прозвали «Матт и Джефф» – как персонажей популярных комиксов. Сам я называл своего друга Лыжей.

Я как раз макнул пончик в кофе, и вдруг Лыжа говорит: – Объявление видел? Записываешься добровольцем – получаешь освобождение от платы за учебу.

– Да ладно!

– В пятничной газете напечатано, – продолжал Лыжа. – Любой студент, который запишется минимум за три месяца до того, как ему стукнет восемнадцать, может выбирать, где

служить. Не успеешь до восемнадцати – отправят в пехоту. Я лично во флот собираюсь.

– Мне восемнадцать будет 9 августа, – говорю я. – Как раз через три месяца. Только вряд ли я кому нужен, с моим-то зрением.

– Попытка – не пытка. Столько парней погибло. Сейчас берут всех, кто шевелится.

Мы расплатились и направились к главному входу в университет.

Уж конечно, Лыжу примут, думал я с завистью. Я всегда мечтал о море; точнее, меня вдохновляла мысль о морских просторах. В шестнадцать, в выпускном классе, я вступил в ряды Морских скаутов Америки. Корабль наш назывался «Летучий голландец-3» и представлял собой бот, в котором матросы некогда отправлялись на берег в увольнительную. Затем переоборудованный бот долго служил прогулочным катером и вот достался нам. На весенних каникулах мы его вычистили, заново покрасили и все лето курсировали по проливу Ист-Ривер.

После торжественных приемов новых ребят капитан рассказывал историю легендарного судна, в честь которого назвались и мы. На борту «Летучего голландца» (битком набитого золотом) случилось жестокое убийство, после чего вспыхнула чума, так что судно не принимал ни один порт. Если верить матросским байкам, корабль-призрак до сих пор носит по морю; команде не суждено вернуться домой.

Говорят, и по сей день в непогоду «Летучий голландец» виден с мыса Доброй Надежды. Понятно, что является он отнюдь не к добру.

Всякий раз наш капитан украшал легенду новыми подробностями. В конце концов меня разобрало любопытство, и я полез в энциклопедию. Открылась существенная деталь: проклятие будет снято, если капитан отыщет женщину, готовую ради него пожертвовать всем. Я живо поделился с приятелями, и мы себе выдумали квест специально для прогулок по бруклинскому Проспект-парку. Мы искали так называемых «девушек победы» – молодых особ, согласных жертвовать всем ради юношей, идущих на войну.

Мы представлялись моряками. Между настоящей флотской формой и нашей, бойскаутской, было всего два отличия. Во-первых, якорьки на наших воротничках – вместо звездочек; во-вторых, на переднем левом кармане буквы «Б.С.А» (Бойскаут Америки). Если какая-нибудь девушка спрашивала, почему мы невысокого роста, мы объясняли, что служим на подлодке; если же интересовались аббревиатурой «Б.С.А.», мы отвечали, что это расшифровывается как «Боевая секретная армада».

Якорьки (вместо звездочек) вопросов ни разу не вызвали. «Девушек победы» мы подцепляли в достаточных количествах – Проспект-парк ими изобиловал. Увы: в отличие от своих более опытных и смазливых товарищей, я так и не сумел отыскать ту самую, которая пожертвует...

– Я тоже хочу во флот, – сказал я Лыже, пока мы ехали на лифте. – Только, с моей-то близорукостью, подозреваю, быть мне в пехоте.

– Вовсе не обязательно, – обнадежил Лыжа. – Запишись в морские перевозки. Требования к физической форме у них пониже, а освобождение от платы за учебу то же самое.

– Я ведь и в морских перевозках буду служить отечеству?

– Еще бы. Знаешь, какая в море пропасть мин да торпед? Морские перевозки – дело опасное. Я читал, на подступах к Мурманску этих ребят погибло больше, чем боевых матросов.

Мы надели лабораторные халаты и пошли в класс.

– Эх, Лыжа, да ведь родители в жизни бумажки не подпишут!

– Подпишут, если ты их насчет альтернативы просветишь.

В лаборатории мы разделились. Помню, еще при входе в носдри мнешибанул запах формальдегида. На мраморном рабочем столе перед каждым студентом стоял поднос с крышкой. Я было потянулся снять крышку, но меня остановил профессор:

– Подносы не трогать!

Тем временем лаборант разносил наборы для вскрытия и шлепал рядом с подносами резиновые перчатки.

Едва он удалился, профессор скомандовал:

– Надевайте перчатки, снимайте с подносов крышки.

Я приподнял крышку – и отпрянул. На подносе лежала

мертвая белая мышь.

– Сегодня, – продолжал профессор, – вы займетесь препарированием на настоящих образцах.

Нет, я, конечно, знал, что работа в лаборатории предполагает препарирование. Но я думал, нас предупредят. Судя по всему, профессор был очень доволен эффектом неожиданности. Не то чтобы это меня напрягало. Я сам выбрал биологию, ведь я намеревался стать хирургом.

В бойскаутском отряде я получил значок «За успехи в оказании первой медпомощи»; в наших круизах по Ист-Риверу считался «судовым доктором». Я врачевал раны, ожоги, мозоли и ссадины; я привык к виду и запаху крови. Можно сказать, закалился. Даже очерствел.

Однажды в выходной команда подняла мятеж из-за дурной кормежки. С тех пор я еще и сэндвичи на ленч готовил. Совмещал обязанности врача и кока. В том «рейсе» главной хохмой была следующая: «Если Дэн не залечит нас до смерти, так непременно отравит».

Словом, препарирование мыши не должно было стать проблемой.

– Открываем наборы для диссекции, – сказал профессор. На доске он успел разместить таблицу – мышинные внутренние органы.

– Берем скальпели, вскрываем образец от горла до хвоста. Надрез ведем по животу. Снимаем шкурку пинцетом.

Я делал, как было велено. Надрез получился легко и ак-

куратно. Я обнаружил, что имею дело с самочкой.

– Извлекаем внутренние органы, кладем в чашку Петри, нумеруем.

Матка моей мышки оказалась рыхлой. Я вскрыл ее. Вытаращил глаза. Отшатнулся. В матке были нерожденные мышата. Крохотные. Свернувшиеся колечками. С закрытыми глазками.

– Какой ты бледный, – шепнули мне через стол. – Тебе нехорошо?

Первое потрясение уступило место печали. Несколько жизней принесено в жертву моему учению. Мышатки погибли, чтобы я мог «набить руку».

Соседка слева вытянула шею, любопытствуя. Прежде, чем я успел подхватить ее, девушка без чувств рухнула со стула. Лаборант бросился к ней с нюхательной солью, профессор велел продолжать препарирование. Вдвоем с лаборантом они понесли девушку в медпункт.

Я же, будущий великий хирург, остался сидеть как парализованный. От одной мысли, что придется вырезать нерожденных мышат, меня затошнило. Пулей я выскочил из лаборатории, метнулся в туалет, вымыл лицо и руки и уставился в зеркало. Надо было возвращаться и доделывать начатое.

Через несколько минут я действительно вернулся. Смущенный своим бегством, желая оправдаться, я вымучил:

– Как крестный отец этого выводка, я сегодня всех угощаю сигаретами. А сигар не ждите.

Смех, одобрительные хлопки по плечу, поздравления – все это меня как-то уравнило. Правда, пока я заканчивал препарирование, в голове вертелся дурацкий стишок:

*Три слепых мышонка – пики-пик —
За фермеровой женкой – шмыги-шмыг.
А она-то ножиком – вжики-вжик,
Хвостики мышинные – чики-чик!*

– Отличная работа, Киз, – похвалил профессор. – Ставлю высший балл.

Лыжа дружески пихнул меня в бок.

– Везунчик! Надо же, брюхатенькая попалась.

В тот вечер, готовясь к викторине по теме «Британские поэты», я открыл поэтическую антологию и стал просматривать оглавление. Мой взгляд зацепился за Элджернона Чарлза Суинберна. Вот так имечко, подумал я.

Глава 3

Второактинг

Даром что мне всегда хотелось стать писателем, я не представлял, какой жанр предпочесть. Прочитав «День саранчи» Натаниэля Уэста (кошмарную историю о голливудской изнанке), я зарекся от карьеры сценариста.

Оставались пьесы, рассказы и романы. И тех, и других, и третьих я прочел сотни, однако мой личный театральный опыт ограничивался участием в школьном спектакле. Третьеклассник, я играл оракула. Замогильным голосом предвещал царю ацтеков: «Дни твои сочтены, о Монтесума!»

Наверное, то был мой актерский «потолок».

В подростковый период и лет примерно до двадцати я бредил Манхэттенем, этим Багдадом-на-Гудзоне, городом, где процветали искусства, пресса и, конечно, Бродвейский театр. Всего за пять центов я мог и попасть в сию мекку, и посмотреть две трети практически любого шоу. Только и требовалось, что смешаться с толпой зрителей, которые после первого акта выходили покурить. При звонке, который возвещал конец антракта, я прошмыгивал в зал и живо находил свободное местечко. Успевал прежде, чем гасли огни. Такое времяпровождение я называл второактингом.

Шел 1942 год. Мне было пятнадцать. Пьеса называлась

«Зубная кожа»⁵. «Наш городок» я прочел еще в школе, одноименный фильм посмотрел – вот почему меня так волновала перспектива увидеть второй акт этой новой пьесы Торнтона Уайлдера.

У меня хватало соображения не заниматься второактингом по субботам и воскресеньям. Зато в будние дни я надевал синий китель, повязывал неброский галстук и подземкой добирался до Таймс-сквер. В тот вечер я приехал рановато. Прогулялся по театральному кварталу, поторчал возле ресторана «У Линди», поглазел в ресторанные окна. Пovoображал раньоновских персонажей – мошенников, игроков и гангстеров, а также «парней и куколок» – будто они зависли в «У Линди» (к слову, Деймон Раньон⁶ называл ресторан «У Минди»). Я туда захаживал, когда заводилась лишняя монета; садился у окна, смотрел на бродвейскую толпу и наслаждался чизкейком, который все тот же Раньон и увековечил.

Я не дал себе размяться. Сосредоточился на ближайшей задаче. Перспектива пропустить первый акт меня не слишком печалила. Как правило, мне удавалось угадать, с чего там у них началось; если же нет – я не расстраивался, а просто придумывал свой вариант. Сочинял завязку, чтобы

---

⁵ Оригинальное название пьесы «The Skin of Our Teeth» является цитатой из Библии короля Иакова и относится к страданиям Иова. Несмотря на устрашающий подстрочный перевод («кожа возле наших зубов»), название – обычная английская идиома, означающая «чудом спасшиеся» или «побывавшие на волосок от гибели».

⁶ Американский журналист и автор коротких сатирических рассказов.

не шла вразрез с развязкой и характерами персонажей. В те дни я просмотрел немало вторых и третьих актов – но ни одного первого.

Когда опускался занавес, я вместе с остальными зрителями аплодировал – а сам воображал жизнь драматурга во всем ее блеске. В день премьеры – овации, подобные шквалу; выкрики «Автора на сцену!»; поклоны и букеты. Далее – отмечание в ресторане «У Сарди». Разумеется, с шампанским. И с икрой. Затяжное. Потому что все ждали рецензии в утренней «Нью-Йорк таймс».

Вечер начался как обычно. Я смешался с курильщиками, что вывалили из театра в переулок; я тоже достал сигарету из портсигара «под золото». Навострил уши. Вокруг обсуждали первый акт, информация могла пригодиться.

Раздался звонок. Вместе с остальными я шмыгнул в фойе. Скользнул взглядом по афише – огромной, в человеческий рост. На ней красовались Фредрик Марч и Таллула Бэнкхед. Разумеется, обоих я видел в кино. А сегодня увижу на сцене, живьем.

Оказавшись в зале, я поспешил к последним рядам, готовый усесться на свободное местечко. В центре ряда я заметил два кресла, но не успел дернуться, как их заняла пара опоздавших.

Лишь тут я сообразил: нынче народу больше, чем обычно. Я вжался в стену, прищурился. Огни уже гасли. Глаза быстро привыкали к темноте.

Все кресла были заняты. Может, рискнуть – сунуться на балкон? Ради Торнтона Уайлдера я бы и на это пошел. Да, попытаю счастья на балконе. Боком я выбрался из зала. Поскакал по лестнице через две ступеньки. Заметил на полу номер «Плейбилла»⁷, сунул в карман. Устремился к свободному местечку в середине ряда.

Только плюхнулся – на меня возмущенно воззрилась соседка по креслу.

– Что вы себе позволяете? Это место моего мужа!

– Извините. Наверное, ошибся рядом.

Я вскочил и полез по проходу. Навстречу двигался грузный мужчина. Пришлось отступать в конец ряда. На меня шикали. Я отдал много ног.

На финише меня поджидала дежурная с фонариком.

– Извольте предъявить билет. Занавес вот-вот поднимут.

Сердце запрыгало. Я стал шарить по карманам.

– Похоже, я его обронил, мэм. Вот здесь он был, в этом самом кармане.

Дежурная глядела с подозрением.

– На балконе все места заняты.

– Пойду поищу билет в фойе.

– А я посодействую вам в поисках.

– Благодарю вас, мэм, в этом нет необходимости, – прошептал я и поспешил ретироваться.

---

⁷ Ориг. «Playbill». Ежемесячный журнал для театралов. Основан в 1884 г. С 1957 г. называется «Журнал о театре» («The Magazine of the Theater»).

Не заметил последнюю ступеньку и упал.

– Вы не ушиблись, юноша? Пойдемте-ка со мной. К управляющему.

– Нет-нет, все в порядке. Я не ушибся.

Снова вприпрыжку через две ступеньки – только теперь вниз, в пустое фойе. Огромная афиша была видна полностью; в самом низу имелась приписка «ВСЕ БИЛЕТЫ ПРОДАНЫ!». Перед вторым актом я ее не заметил – приписку закрывала толпа.

Вот я кретин!

Скорее прочь из театра!.. Только на улице я решился оглянуться. Название пьесы показалось мне насмешкой над моей же собственной ситуацией.

Я побрел на север района Бродвей, к Центральному парку. Брел и убеждал себя: в пути непременно попадетсЯ что-нибудь тянущее на приключение. Было уже поздно, и в сам парк я не пошел. Я устроился на скамейке и стал глазеть на шикарные отели. Особенно меня впечатлило название «Эссекс-хаус». Интересно, что за жизнь у гостей этого «Эссекс-хауса»; небось в деньгах купаются? Однажды я выгляну из отельного окна, окину взором вот эту самую скамейку – так я решил.

Когда я топал обратно к подземке, нарядная публика как раз покидала театр. Кто-то усаживался в лимузины, припаркованные тут же; кто-то махал таксистам. Большинство шли в сторону залитого огнями Бродвея.

Опять я влился в толпу, словно, находясь рядом с этими людьми, автоматически делался им ровней. Многие держали в руках «Плейбилл». Я тоже вынул журнал – пусть будет паролем, признаком моей принадлежности к высшему свету.

Одна группка вошла в ресторан «У Сарди». Я проскользнул следом, огляделся. Небожители уселись. Перед ними возник официант. Я помахал «Плейбиллом» и осведомился, где туалет.

Покинув сие заведение, я двинул к подземке, по пути стараясь представить, какова была пьеса. Ничего не получалось. Поэтому, пока ехал в Бруклин, я сочинил свою пьесу – о юноше, который чуть было не влип, жаждая посмотреть второй акт бродвейской постановки.

Двадцать пять лет спустя, в 1967-м, я сподобился попасть в содружество одаренных деятелей искусств и прибыл в Петерсборо, Нью-Гэмпшир, в знаменитую колонию Макдауэллов. Там мне предстояло работать над моим вторым романом под названием «Прикосновение».

Мне выделили роскошную студию-бунгало прямо посреди леса. В первый же день сообщили: дабы ничто не нарушало моего уединения, столь необходимого для творческой деятельности, беспокоить меня будут только раз в сутки – в полдень, на автомобиле, доставлять корзинку с провизией.

Осматриваясь в новом жилище, я обнаружил на каминной полке лопасть деревянного весла, всю испещренную над-

писями моих предшественников. Надписи шли сверху вниз. Верхние успели поблекнуть, нижние были еще свежи. Мой взгляд выхватил фамилию: Торнтон Уайлдер. В 1936-1937-м он создал «Наш городок» в этой вот самой студии – в которой я весь следующий месяц намеревался писать «Прикосновение».

Мне вспомнился неудачный поход в театр, и у нижнего края лопасти я нацарапал свое имя.

Глава 4

Битье посуды

Еще подростком я понял: родителям не по карману учить меня в колледже, не говоря уже о медицинском университете. Хочу получить высшее образование – должен работать и экономить.

Мне было лет восемь, когда за одни только летние каникулы я сделал гигантский скачок по карьерной лестнице – из мальчика, обслуживающего уличный лимонадный автомат, превратился во владельца собственного бутербродно-содового бизнеса. В магазине деликатесов я покупал ржаной хлеб и салями на бутерброды, а в ближайшем оптовике затаривался бутилированной содовой с газом. У меня имелась красная тележка-вагончик, где я держал лед. Во льду пребывали бутылки. С этой тележкой я появлялся на швейной фабрике, что на Ван-Синдерен-авеню, на границе между Браунсвилем и Восточным Нью-Йорком.

Бизнес мой процветал, покуда меня не выдавил владелец магазина деликатесов. Уяснив по объемам закупок, насколько хороши мои дела, он выпустил конкурента – собственно-го племянника. Племянник начал демпинговать, и я был вынужден уйти.

В последующие годы я работал в фирме, которая давала

напрокат смокинги, – разносил эти самые смокинги по заказчикам; а также собирал гайковерты на фабрике и управлял первым в Браунсвилле автоматом по выдаче замороженного заварного крема. Сверхприбылей ни одна работа не приносила, зато помогала копить на колледж.

Еще два занятия, воспоминания о которых я запрятал в ментальный погребок, – это должность помощника пекаря и, позднее, официанта в забегаловке. Нужда извлечь эти воспоминания возникла, лишь когда я стал писать «Цветы для Элджернона».

В четырнадцать я поступил помощником разносчика в «Бейгл бейкери», что в Восточном Нью-Йорке. Пекарня находилась как раз под железнодорожным мостом, а жили мы в двух шагах оттуда – только за угол завернуть. Я поднимался в три часа ночи (в пекарне меня ждали к четырем) и работал до семи утра, когда водитель хлебного фургона подбрасывал меня прямо к Джуниор-Хай-скул № 149. Занятия заканчивались в три, я спешил домой, делал уроки, ел и белым днем ложился спать.

Сначала мне поручали грузить в фургон корзины с горячими бейглами. Бейглы были разные – простые, с маком, с кунжутом и с крупной солью. Управившись, я садился рядом с водителем в кабину, и мы объезжали булочные и рестораны – еще закрытые с вечера. Подрулив в предрассветной мгле к очередному пункту назначения, водитель сверялся с путевым листом и объявлял требуемое количество бейглов.

– Две дюжины. Одна простая, другая с маком.

Спинка у пассажирского сиденья отсутствовала, так что мне требовалось только разворачиваться, хватать в каждую руку по три еще горячих бейгла и выкрикивать:

– Шесть! Дюжина! Шесть! Две дюжины!

Пекарскую дюжину⁸ к тому времени упразднили.

Бейглы с маком и кунжутом царапали пальцы. Но хуже всего были бейглы с солью, от которой саднили крошечные ранки. Я раскладывал бейглы по пакетам, водитель пятил машину к бровке тротуара, я выпрыгивал и оставлял пакеты у дверей.

Помню, однажды водитель изменил маршрут, чтобы доставить бейглы новому клиенту. Мы проезжали перекресток двух авеню – Ливония и Саратога. Я заметил светящиеся окна кондитерской.

– Странно, – сказал я. – Наверное, там воры.

Водитель рассмеялся.

– «Полуночная роза» открыта круглосуточно. Никто в здравом уме не рискнет грабить этот магазин.

На мое «почему?» он качнул головой и объяснил: глупо расспрашивать о парнях, которые висают в «Полуночной розе».

---

⁸ Считается, что, боясь, как бы не случился недовес с готовыми хлебами (за недовес пекарь подвергался суровому наказанию), пекарни к каждой заказанной дюжине добавляли еще одну булку или каравай – пусть лучше перевес, рассуждали они.

Примерно в тот же период я познакомился с мальчиком старше меня. Его семья переехала в наш район и обосновалась по соседству с нами, на Снедикер-авеню. Мальчик тот учился боксировать, но, будучи слишком юн для профессионального бокса, открыл мне тайну: он использует прозвище своего старшего брата – «Малыш Заломай». Мой новый приятель хотел драться под прозвищем «Просто Малыш».

Я поделился своей печалью: мне бы денег, чтобы заплатить за методику динамичной нагрузки, вот бы я тогда мускулы накачал – не хуже, чем у создателя методики, у Чарльза Атласа, каким его рисуют в журналах и комиксах. Уж я бы выучился защищаться от всяких забияк!

Просто Малыш занимался в клубе «Адонис» на Ливония-авеню – тягал штангу. Однажды он взял меня с собой, познакомил с товарищами. Некоторые из качков беззлобно посмеялись надо мной, худосочным; впрочем, к Малышу они относились с пиететом, а мне дали кучу советов, как сделать мышцы стальными. До сих пор будто вижу их всех перед зеркалами: в руках гири и гантели, мышцы блестят от масла; до сих пор чувствую запах свежего пота.

Время от времени в клуб заглядывали бродяги; помоются в душе, переночуют, иногда останутся и на вторую ночь. Я слушал их рассказы – о путешествиях через всю Америку в товарняках, о встречах со старыми товарищами в лагерях сезонников. У товарищей этих почему-то были странные имена. Я подумывал, не бросить ли школу, не запрыгнуть ли в

товарняк и не поглядеть ли, какова моя страна. Тогда у меня будет материал для романов.

Позднее я узнал и о «Малыше Заломе», брате моего приятеля. До сих пор у меня хранится вырезка из газеты от 13 ноября 1941 года.

«ЭЙБ РИЛЕЗ УБИТ ПРИ ПОПЫТКЕ ПОБЕГА

Эйб Рилез, известный как „Малыш Заломай“, главарь банды наемных убийц, дал показания против своих подельников – и тут-то в игру вступила мафия. Ранее... в среду, 12 ноября 1941 года, несмотря на постоянный надзор пяти следователей, Эйб Рилез либо выпрыгнул, либо выпал, либо был выброшен из окна шестого этажа отеля „Полумесяц“ на кониайлендскую мостовую. Репортеры называли Рилеза „канарейкой, которая хорошо пела, но не умела летать“».

Тогда-то я и понял, о чем толковал водитель хлебного фургона и что за парни посиживают в «Полуночной розе». Парни эти составляли карательный отряд Мафии, репортеры называли их «Мердер инкорпорейтед».

Получалось, что убийцы орудуют прямо рядом с моим домом и здесь же получают заказы – мафиозные боссы звонят им прямо в кондитерский магазин! Эйб Рилез был одним из самых опасных киллеров. Вскоре после выхода статьи его семья уехала, никого не предупредив. Больше я с приятелем-боксером не виделся.

На работе меня повысили — я стал помощником пекаря. Позднее я описал свои впечатления. Вот неотредактированный набросок:

«Пекарня — запах сырого теста, выбеленные мукой полы и стены... процесс замешивания... круговые движения. Тесто раскатывают в длинные колбасы, затем, молниеносным поворотом запястья, колбаса превращается в кольцо... другой пекарь укладывает кольца на огромный деревянный поднос... ставит повыше... скоро кольца отправятся в кипяток, а потом и в печное нутро. Мальчик-подросток берет их по три за раз и бросает в бак с кипящей водой... вылавливает металлической сеткой. Вот они на пекарском столе. Пекарь выкладывает их на лопасть длинной деревянной лопаты и ловко отправляет в печь. Пока он заполняет новую лопату, лопаты с сырыми бейглами дожидаются — будто даже терпеливо... Пекарь достает из печи партию румяных бейглов, нитью отделяет их от противня. Наконец бейглы отправляются в плетеные корзины, которые сейчас заберет водитель фургона, чтобы еще до зари развезти клиентам. Один пекарь — хромой, второй — с хриплым голосом...»

Много лет спустя я использовал эту зарисовку в романе «Цветы для Элджернона».

Ночные смены в пекарне плохо сказывались на моем сне и, соответственно, на учебе. Я сменил работу — стал мойщиком посуды в кафе-мороженом на Саттер-авеню. Хозя-

ин почти сразу меня повысил – определил к автомату с содовой. Дальше карьера пошла как по маслу: мне доверили готовить бутерброды, стоять за стойкой, наконец, стряпать «быструю еду». В шестнадцать я нашел работу получше – на Питкин-авеню. Само местоположение заведения было куда как выгодным – рядом с театром «Лоус Питкин». Я теперь обслуживал столики в «Лавочке Мейера».

Никакой Мейер в «Лавочке» уже не числился. Закусочную и по совместительству кафе-мороженое содержали мистер Гольдштейн и мистер Сон; от обоих нам, официантам, житья не было.

Мистер Гольдштейн «мягко стелил» – не уставал повторять, сколь сильно в нем желание помочь малоимущим юношам, кои жаждут учиться в колледже. У входа, за кассовым аппаратом, он развесил фотографии бывших официантов, которые, по его словам, «далеко пошли». Некоторые были в военной форме – в том числе в кителях военного и торгового флота. Другие красовались в мантиях университетских выпускников. Гольдштейн называл их «мои ребятки» и только что слезу не пускал при этом. Помню, на собеседовании я открыл ему, что родители хотят видеть меня врачом. Гольдштейн погладил меня по голове и похвалил: славный, дескать, мальчик, так и надо – родителей почитать.

В вечера своего дежурства, если посетителей не было, Гольдштейн сидел себе спокойно за прилавком, обсуждал дневные происшествия с поварами, тоже праздными. Но сто-

ило появиться посетителю, Гольдштейн совершенно преображался. Начинал психовать, заказы выкрикивал, чуть не оглушая бедного клиента.

Мистер Сон был из другой категории. Когда дело шло – держался поближе к кассе. Мы могли обслуживать клиентов без шума и суеты. Зато, если случалось затишье с клиентами – например, перед часом пик или между двумя наплывами – обеденным и посткиношным, – мистер Сон проскальзывал в зал, под предлогом проверки забирал сахарницы, солонки и бутылки с кетчупом и прятал на полочке под кассовым аппаратом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.